

Схватив Фэн Мина, словно чашку, Цю Юэ и Цю Син «похитили» его, утащив в комнату, где переодели в наряд, как раз созданный для прогулок. Когда же князь вновь вышел на палубу и увидел, что Цю Лань до сих пор склоняется над шитьём, спросил:

— Ты не пойдёшь?

На что девушка, «угукнув», добавила:

— Скоро управлюсь, осталось несколько стежков.

Как раз вышла Цю Юэ, увидев всё это, она одним махом выхватила накидку у Цю Лань и кинула на расстеленный ковёр:

— Раз уж осталось несколько стежков, так пусть лежит, как вернёмся — закончишь. Давай поторапливайся, иначе чем дольше длится ночь — тем больше будет снов[1].

Цю Лань стало смешно, но вместе с тем её охватила злость, и служанка забранилась:

— Что это значит, «чем дольше длится ночь — тем больше будет снов»? Князь Мин дал тебе хороший совет, а ты его тотчас же применила к развлечениям. — Подвергшись такому «беспорядку» со стороны Цю Юэ и утратив способность спокойно мыслить, девушка была вынуждена встать и спешно переодеться.

Слегка качнувшись на воде, судно причалило к большой деревянной пристани, что создавались в древности, с глухим стуком ударившись о её древесину.

Как только корабль пристал к берегу, множество людей, словно выпущенные на волю птицы, с нетерпением перешли мостик и ступили на землю. Едва встав на твёрдую почву, Цю Юэ закрыла глаза и, охваченная чувствами, вздохнула с облегчением:

— И впрямь нельзя слишком долго плыть на корабле, он хоть и удобный, но после него на твёрдой почве всё же немного покачивает, как на волнах.

— Меня тоже качает, и голова кружится, — пожаловалась Цю Син.

Пристань Фэньчэн была крайне оживлённой. Вероятно, весна — решающее время года[2]. В последнее время погода стояла особенно хорошая, люди как раз к этому моменту спешили доставить товар. На пристань стекался весь народ: стоящие в стороне торговцы совещались друг с другом насчёт торговли; лодочники, взгромоздив товары на спины, сплошной вереницей сходили на берег и делали это так спешно, что покрывались потом; немало полуобнажённых людей, неустанно работая, поднимались на пристань. Крики мелких торговцев, что созывали к себе покупателей, наполняли слух.

Но стоило отойти от причала на десять чжанов, как оказывался на прибрежном лугу, усеянном весенними ростками травы. Этот небольшой зелёный закуток вызывал радость у всех, кто его видел. Несколько детишек в возрасте шести-семи лет лазили там или просто лежали, а как раз рядом с резвящимися малышами неторопливо паслись несколько жеребят вместе со своими мамами, опустив голову, они щипали траву и пили воду.

Пока Фэн Мин с большим энтузиазмом оглядывался по сторонам, к нему внезапно и очень быстро направился мужчина средних лет, облачённый в великолепный наряд. Человек ещё не успел приблизиться, а ему уже перегородили путь люди господина Сяо, одним видом давая понять, что шутки с ними плохи. Однако в дело вмешался Ло Дэн, сказав:

— Позвольте ему пройти. — А стоящему рядом князю шёпотом добавил: — Это чиновник пристани Фэньчэн — господин Чжан, он полностью несёт ответственность за товарный налог и общественный порядок. Наш господин Сяо является его старым клиентом, который ежегодно платит императору Юнъинь немалый денежный налог. Он узнал о прибытии молодого господина и, несомненно, захотел оказать Вам очень радушный приём.

Изначальное желание Фэн Мина, как только они оказались на берегу, — побывать везде, но при мысли, что нужно принять радушный приём местных чиновников и проявить свои навыки в торговом деле, терпение у князя лопнуло, а сам он прошептал:

— Как он узнал, кто мы?

На что Ло Дэн, явно сдерживая улыбку, указал назад со словами:

— Молодой господин, пожалуйста, посмотрите на наши роскошные корабли, какое знамя висит на них? Даже слепой узнает, что прибыл молодой господин рода Сяо, к тому же я так или иначе считаюсь главным управляющим судоходного промысла рода Сяо, а кто мог со мной в сопровождении высадиться на берег, кроме молодого господина рода Сяо?

Жун Ху тоже встрял в разговор:

— Новость о том, что князь Мин отправился проверять имущество господина Сяо, облетела всю Поднебесную, и все уже знают об этом. Только тупица не догадается.

Пока Жун Ху говорил, этот мужчина средних лет приблизился. Не говоря ни слова, он улыбнулся, отчего на толстых щеках выступили складки, словно их сплавляли, нагромоздив друг на друга, однако сам чиновник выглядел дружелюбно и, сложив руки в знак приветствия, сделал глубокий поклон и нараспев выразительно проговорил:

— Чиновник пристани Фэньчэн — Чжан Тайцань — рад приветствовать молодого господина рода Сяо. С прибытием князя Сяо Мина маленькая пристань внезапно озарилась светом. Прошу, прошу.

Флаги Фэн Мина принадлежали роду Сяо, да и сам княжеский титул Фэн Мина был известен всему миру, а Тайцань, будучи умным человеком, взял да и совместил их, создавая новый титул «князь Сяо Мин», услышав который, толпа невольно улыбнулась. Сам же князь, громко смеясь, сложил руки в знак почтения[3] и ответил:

— Чиновник Тайцань слишком любезен. Я ещё юн и только начал управлять делами моего отца — господина Сяо, поэтому нуждаюсь во множестве указаний. На пристане куча всевозможных занятий, если проявлю неосведомлённость, прошу чиновника Тайцаня высказывать свои замечания.

С детства меняется нрав, а с жизнью — тело[4].

К тому же Фэн Мин обычно проживал во дворце, встречался с разной знатью и министрами, его манеры высказывания и действий, естественно, были полны нравственности, более того, они были изысканны и мягки, чем сильно отличались от манер рода Сяо — равнодушных и мрачных, однако и без влиятельной силы благородства в нём было предостаточно, отчего Тайцань невольно изумился, думая про себя: «Все говорили, что этот молодой человек своей красотой и умом пленил и свёл с ума императоров Силэй и Ли, ради него они развязали кровавую войну на реке Оман. Но сегодня увидев его воочию, понимаю, что он действительно красавец-мужчина, к тому же обладает редкими манерами, и кто знает, может, сегодняшнее дело будет вполне успешным...»

Попутно с мыслями мужчина добавил:

— Не осмелюсь, не осмелюсь. Князь Сяо Мин редкий гость, поэтому, неизвестно, можете ли оказать любезность этому чиновнику...

На что главный управляющий Ло Дэн, который также являлся его старым знакомым, спешно подошёл к мужчине вплотную и прошептал:

— Наш молодой господин не хочет задерживаться, а желает прогуляться по Фэньчэн.

Тайцань был умным человеком, услышав своего знакомого, всё уже понял и в душе подумал: «Так ещё лучше — перейдём к плану». И немедленно проглотил то, что хотел сказать — про приготовление банкета, и, довольно ухмыляясь, проговорил:

— Позвольте этому чиновнику составить компанию дорогому гостю в осмотре городка, что находится неподалёку от пристани. Сейчас начало весны, и юцзы[5] — цветок Фэньчэн — уже распустился, благодаря витающему в воздухе его аромату Фэньчэн[6] и получил своё название.

Изначально князь боялся, что окажется «пойманным» в чиновничьи формальности, но сейчас, увидев, что Тайцань проявил свою чуткость, сильно обрадовался и, кивнув, с улыбкой сказал:

— Так вот что беспокоило господина чиновника Тайцаня.

— Прошу-прошу, — мужчина улыбнулся, словно Майтрея[7], и, развернувшись, отправился указывать путь.

От пристани тянулась каменная, в половину чжана, широкая дорога. Толпа, поднявшись на пристань Фэньчэн, увидела шесть лошадиных повозок семейства Сяо, ожидавших их на широкой дороге, на каждой из этих повозок красовалась дощечка с золотыми письменами рода Сяо.

Фэн Мин очень сильно удивился и, обернувшись, посмотрел на Ло Дэна:

— Нам ещё на борту судна уже подготовили лошадиные повозки?

Ло Дэн вернул:

— Нет необходимости подготавливать их на борту. Повсюду большие пристани — остановочные пункты наших кораблей, где ежегодно готовят лошадиные повозки и рысаков, что крайне удобно для пользования. Подчинённые, получив приказ, подготовили экипаж, как только мы сошли с корабля, но, к сожалению, время слишком скоротечно, и нам пришлось подать лишь шесть повозок, кажется, молодому господину придётся делить вместе с нами одну из них.

Фэн Мин знал, что у рода Сяо много денег, но только он никак не ожидал, что их «бизнес-система», оказывается, продуктивнее, чем у обычного императорского дома. Даже если Жун Тянь намеревался разъезжать повсюду, то подобный приём ему бы оказали лишь в пределах Силэй, не более, а будучи в другой стране, ему больше не предоставили бы таких удобств.

Сзади вновь послышался недовольный вздох.

Не нужно было оборачиваться, так как все прекрасно знали — это Ло Юнь.

С целью безопасности управление лошадиной повозкой не доверялось посторонним людям, поэтому один из двадцати телохранителей Его Светлости взял на себя эту роль. Вместе с охраной в повозке поместилось около тридцати человек, по пять-шесть в каждой, все находились «зажатыми» вместе, что привело к крайне оживлённой обстановке, в особенности в повозке князя, который ехал с тремя служанками, что были очень взволнованы, особенно близняшки, которые одним своим смехом вперемешку с щебетом, что были слышны даже за пределами повозки, устраивали хаос.

Наёмник гнал коней спокойно, осторожно, но быстро. Городок, находящийся у пристани Фэньчэн, как оказалось, располагался не так уж и далеко; потратив четверть часа, экипаж подъехал к воротам Фэнь и остановился. Фэн Мин покинул повозку и, в первую очередь втянув носом благоухающий аромат, витающий в воздухе, воскликнул:

— Приятный запах.

Цю Юэ с мечтательным выражением лица проговорила:

— Цветы такие ароматные, и вино, наверное, тоже очень ароматное.

На что Цю Син, схватив сестру за ухо, с силой дёрнула, с усмешкой говоря:

— Ты маленькая пьяница, что, в животе винные черви[8] зачесались?

— Я совсем не пьяница, только любопытно и всё, а здесь, в городе Фэнь, аромат ещё очевиднее.

Однако аромат не был навязчивым; с двух сторон в глаза бросались растущие деревья юцзы, которые с наступлением весны, как правило, начинали цвести и были усыпаны жёлтыми или белыми бутончиками.

Цю Юэ нравился этот благоуханный воздух, и девушка тотчас же, сорвав цветок, приколола себе в волосы, воскликнув:

— Позвольте всем благоухать. — И, сорвав ещё два полураспустившихся бутона, прикрепила к волосам сестры и Цю Лань.

Тайцань был очень хорошим гидом, находясь рядом с князем, мужчина обернулся к близняшкам и с улыбкой проговорил:

— Каждый, кто приезжает в Фэньчэн, непременно отведаёт благоуханного вина юцзы, его делают только здесь, и если приезжающий не попробует хотя бы одну чашечку, то будет слишком досадно.

Поддавшись его словам, Фэн Мин испытал сердечный зуд[9] и слишком непринуждённо отозвался:

— Тогда мы сегодня его обязательно испробуем, вот только почему юцзы носит такое название?

Из-за своего аромата его следовало бы назвать сяньхуа[10] или какой-нибудь фэньхуа[11], что больше соответствовало бы действительности, ведь так? Хоть и немного заурядно.

— Ха-ха, сразу понятно, что князь Мин интересуется историей юцзыхуа[13], но эту историю лучше поведать за чашечкой благоуханного вина. — Сказав это, Тайцань остановился и, указав вперёд, добавил: — Как насчёт того, чтобы отведать нам вина там?

Все, подняв головы, остолбенели.

Тайцань, в конце концов, всё же считался чиновником, поэтому должен зазывать человека пить вино в более привлекательное заведение, разве нет? Вот только ту рухлядь, куда указывал мужчина, с трудом можно было превратить в соломенную хижину: пара-тройка деревянных столов, к которым шли семь-восемь табуретов из прутьев, и одна сгорбленная женщина, чьё лицо покрывали ветер и иней[13]. И вот это можно было назвать «лавкой»?

Заметив на лицах людей недоумение, Тайцань вновь усмехнулся:

— Считается, что эта семья готовит истинное вино из юцзы в Фэньчэне, они ежегодно делают около ста кувшинов вина, которое раскупают подчистую. Без старых знакомых в Фэньчэне нет и торговли, — мужчина договорил и, являя собой пример, широко шагнул вглубь сия «заведения».

Фэн Мин, как и остальные, колебался, но всё же с трудом последовал за мужчиной. Выбрав один более чистый стол, он с тремя служанками, Жун Ху, Ло Дэном, Ло Юнем и Тайцанем, что выступал в роли хозяина, сел вокруг деревянного стола, как раз по два человека на каждую сторону.

Остальные же охранники, отыскав себе места, разместились кто сидя, а кто стоя. Имея при себе припрятанные серебряные иглы, охрана вонзала их во все блюда, что подавались князю в этой лавочке, проверяя на наличие яда, и лишь спустя несколько проверок, убедившись, что еда чистая, её отдавали на стол Его Светлости.

Вскоре подали хорошо разогретое вино юцзы, которое на вид, как и говорил Тайцань, было обыкновенным — красноватое и прозрачное.

Фэн Мин недоверчиво пригубил его и внезапно закрыл глаза. На что охваченная любопытством Цю Юэ, не удержавшись, спросила:

— Как? Вкусно?

Цю Син, как и её близняшка, выпучив глаза, смотрела на реакцию молодого мужчины.

Князь медленно открыл глаза, в которых внезапно появились огонёк и воодушевление, и с напыщенным тоном воскликнул:

— Вкусно, правда очень вкусно, я даже не знаю, как описать вкус... Оно сладкое, с ноткой алкоголя, но в этой сладости как будто присутствует едва ощутимый вкус соли...

Тайцань, смеясь, спросил:

— Ощущение капелек слёз, да?

— Верно-верно. — И, стукнув кулаком по столу, князь добавил: — Действительно, чувствуются слёзы, вот только ароматные и сладкие слёзы, что и впрямь неслыханно.

Цю Юэ, не стерпев, взяла двумя руками стоящую перед ней чашечку и, поднеся ко рту, сделала глоток, после чего внезапно изменилась в лице и, протянув довольное «м-м», осушила чашечку целиком, а потом обернулась, восклицая:

— Хозяйка, добавьте вина, хочу побольше, наполните большую чашку!

Цю Лань сказала со смехом:

— Эта пьяница упьётся до горячки. — Поднеся вино к губам, она сделала небольшой глоток, и её брови тоже приподнялись. — Неплохо, действительно вкусно, как и сказал князь Мин.

И все пившие люди внезапно закричали: «Здорово!»

Фэн Мин позвал Ло Юня выпить, однако последний приподнял прямые как меч брови[14] и блёкло ответил:

— Как быть, если все напьются и появится подсланный убийца?

Сказав это, юноша окинул взглядом князя, который от смущения не мог и слова вымолвить, после чего Фэн Мин отправился уговаривать Жун Ху, но последний также отказался даже пригубить вина. Остальные двадцать охранников последовали примеру своих командиров — находясь на посту, не брали в рот ни капли. Вот уж действительно медные стены, железные валы[15].

В итоге князь предался веселью, устроив попойку. Осушив три чашечки вина, Фэн Мин заплетающимся языком пробормотал:

— Упакуйте пару ящичков, я хочу по возвращении их подарить. Когда с Жун Тянем будем ворковать, пару глотков сделать будет недурно.

— Это... это вино нельзя забирать с собой.

— Ик? — князь ненадолго растерялся и, почёсывая затылок, спросил: — А-а, из-за того, что вино является эксклюзивным и незнакомым, его продавать нельзя, верно? Хм... Я куплю лишь бутылку, неужели даже одной бутылки нельзя?

Сообразив, что Его Светлость неправильно понял, Тайцань с горькой улыбкой пояснил:

— Не то чтобы хозяину нельзя продавать, просто это вино является уникальным, оно может храниться около двух-трёх лет, находясь здесь в городе, но стоит его вывезти за пределы Фэньчэн, как оно немедля меняется, закисает, становясь неприятным на вкус.

Все очень удивились услышанному.

— Не может быть!

Фэн Мин изо всех сил вглядывался в бордовое чудное вино: «Как-то непонятно-о».

— Хе-хе, раз уж затронули эту тему, не могу не рассказать про историю цветка юцзы, — Тайцань прочистил горло и почтительно начал рассказ: — По легенде раньше в Фэньчэн жила одна старушка по имени матушка Ли, смолоду она оставалась верной памяти мужа, разводила цветы, зарабатывая себе на жизнь, и не щадя сил воспитывала единственного сына — Юцзы.

Ведь каким бы ни был сладким напиток, а пить его без ничего было неинтересно, потому у Тайцаня была припасена история, которую он преподнёс в качестве закуски. Все, конечно же, только обрадовались этому и, попивая вино, с жадностью слушали его рассказ.

— Когда Юцзы исполнилось шестнадцать лет, в тот же год с началом весны юноша решил покинуть город и поискать заработка в других местах. Попрощавшись с матушкой, он вышел из дома и больше не вернулся. Матушка Ли, изо дня в день надеясь, что сын вернётся, в конце концов встретила смерть в своём цветнике, а на том месте, где были погребены её останки, выросло дерево — юцзы, которое расцветает ежегодно в начале весны, аромат цветов витает повсюду, словно матушка Ли зовёт своего сына вернуться домой.

Тайцань остановился, а оживлённая и весёлая атмосфера, что была до этого за столом, сразу же изменилась, позволяя воцариться тишине. Эта история получилась чересчур краткой и слишком печальной. Родные мать и сын расстались навеки — ситуация, часто встречающаяся в этом бесконечном веке, как раз являлась привычным делом, однако обычная и без какого-либо преувеличения история, прозвучавшая в городке Фэньчэн, где повсюду витал аромат юцзы, в том числе в бордовом вине из цветов юцзы, затронула душу, причиняя неожиданную боль.

Вино, что окропляло уста, в один миг показалось настоящими слезами, которые сдавливали горло, не позволяя проглотить себя.

Спустя долгое время Ло Дэн со вздохом прервал молчание:

— Сколько бы раз не приезжал сюда, и всё так же, постоянно слушая эту историю, испытываю горечь как в первый раз. Особенно в начале весны, когда благоухает юцзы, это попросту разбивает сердце.

Неизвестно о чём думавший Ло Юнь внезапно изменился в лице, став печальным.

— По легенде дерево изменилось из-за матушки Ли, она всей душой хотела дожидаться возвращения своего сына, цветы дерева означают её тоску, а вино из лепестков юцзы — пролитые ею слёзы. Поэтому, если дерево юцзы вывести из Фэньчэн, то оно сразу же засохнет и умрёт, а если вино юцзы увезти в чужие края, то оно скиснет, — добавил Тайцань, закончив объяснять.

У князя в душе заклокотала радость, смешанная с горечью[16].

С детства князь рос сиротой, а попав в эту древнюю эпоху, встретил родителей — Сяо Цзуна и госпожу Яо — с которыми совершенно не был близок, потому сейчас, когда упомянули о любящей матушке Юцзы, в первую очередь он вспомнил о вдовствующей императрице. Щелчок — и перед глазами появился удаляющийся силуэт Её Величества, которая пребывала в ярости из-за «Равной милости», и угрызения совести ещё сильнее впились в душу. В данную минуту чувства, что охватывали разум князя, сложно было описать словами, а под действием вина, не говоря ничего и к тому же ощущая давящую печаль, Фэн Мин не удержался, внезапно встал на ноги и, сжимая чашечку пальцами, пьяно пробормотал:

— У любящей матери в руках нить,

Одежду для сына она готовит.

Перед его доро́гой стежок за стежком прошивает.

Кто сказал, что молодая травка[17]

В силах отблагодарить весеннее солнце за полученное тепло[18]?[19]

Эта песнь являлась популярной в современном китайском образовании и была любимой у преподавателя языка и литературы в начальной школе, где учился Фэн Мин, поэтому все одноклассники вместе с ним после занятий должны были выучить её наизусть, и только потом учитель разрешал идти домой. Несколько лет назад князь в стенах императорского дворца, стоя перед вдовствующей императрицей, уже как-то читал вслух первые строки из песни[20], тяжело вздыхая, однако сейчас, тоскуя по матушке-императрице, он полностью прочёл песнь с искренним изяществом.

Как только его голос утих, внезапно раздалась пара громких хлопков в виде аплодисментов.

Фэн Мин с изумлением обернулся, обнаруживая, что хлопающий ему человек вовсе не из его окружения, наоборот, мужчина находился снаружи «лавки». Увидев, что князь смотрит на него, незнакомец прекратил хлопать и со смехом начал:

— Ваш покорный слуга Му Са[21], случайно проходя мимо этой «лавки», услышал, как сын влиятельного господина читает стих с чрезмерной любовью, заставляя вздыхать в восхищении, так что покорный слуга не смог удержаться и охотно похлопал. Если напугал молодого

господина, то Ваш покорный слуга заслуживает смерти. — Этот мужчина был облачён в обыкновенный голубой китайский халат, который в сравнении с одеждами государя выглядел более дорогим и был более холодного оттенка[22]. На мужчине не было ни пылинки, а за поясом красовался бумажный веер. По лицу было заметно, что Му Са являлся образованным мужчиной, взгляд его чёрных глаз дарил тепло, с виду же этот человек выглядел вполне себе обычно. Мягкие и ласковые манеры располагали к себе.

Стоило узреть такого человека, как, само собой разумеется, он очень понравился Фэн Мину, который, отойдя от испуга, рассмеялся:

— Это Вы простите, я лишь выпил вина и безрассудно проронил пару фраз, старший брат[23] Му, извините, но может лучше Вы присоединитесь к нам и выпьете пару чашечек вина?

Фраза ещё не успела кончиться, как Жун Ху вместе с Ло Юнем почти одновременно предупреждающе выдохнули «кхм-кхм», смысл которого было крайне просто понять — дело касается безопасности, пожалуйста, не стоит общаться со странными незнакомцами.

Му Са уже хотел было согласиться, однако, услышав за столом два мужских «намёка», сразу же понял, что ему не рады. Будучи необычайно умным человеком, мужчина вежливо отказался принять приглашение князя:

— Вашему покорному слуге всё же надо спешить, премного благодарен молодому господину за доброту. Если будет суждено, то, возможно, мы встретимся вновь[24]. Позвольте спросить имя молодого господина.

— Ик? Меня зовут Фэн Мин.

Этот Му Са, не знавший, откуда прибыл гость, услышав имя князя, ни на волос не удивился и отношение к Фэн Мину несколько не поменял. Похоже, что находящийся перед глазами человек — относился он к знати или нет — не вызывал ни малейшего удивления у мужчины, который лишь блёкло улыбнулся, сказав:

— Оказывается, это князь Мин из Силэй, молодой господин рода Сяо, чьё имя словно гром в ушах[25]. К сожалению, сегодня не суждено, но в будущем, если князь Мин посетит Бэйци и будет не занят, приходите ко мне домой — посидим всей компанией. — Вежливо и слегка поклонившись, мужчина развернулся и направился прочь.

Однако Фэн Мин немедля закричал ему вслед:

— Эй, эй, Вы не сказали, где Ваш дом!

Му Са, как оказалось, больше не проронил ни слова, плавно исчезая вдали.

Фэн Мин не мог устоять перед подобными выдающимися личностями, что являлись вольным облаком и одиноким журавлём[26], к тому же этот мужчина обладал превосходными манерами и очарованием, а его лаконичность производила сильное впечатление и нисколько не уступала достойному поведению Лу Даня.

Ошеломленно глядя, как силуэт мужчины пропадает из виду, князь со вздохом дважды проронил:

— Жаль-жаль. — Стараясь избежать порицания со стороны Жун Ху и Ло Юня, Фэн Мину только и оставалось, что замолкнуть и, удручённо выпив вина, которым была наполнена чашечка, вновь сесть на место.

Оказывается, Тайцань с умыслом приглашал князя выпить, собственно говоря, томящаяся на медленном огне черепаха[27] уже давно приготовилась, но как назло, хмельному князю вспомнилась вдовствующая императрица, которая побудила в нём желание процитировать песнь, привлекая странного «древесного червя», из-за чего чиновник так и не осмелился продолжать начатое.

Но сейчас, увидев, что Фэн Мин вновь сел за стол, мужчина понял — нельзя упускать возможность, и торопливо добавил:

— Князь Сяо Мин, молодой господин рода Сяо, на самом деле это вино юцзы...

— М? Ещё история?

— Нет-нет, — Тайцань всем сердцем старался подобрать слова, но, чувствуя, что все они неуместны, окончательно бросил это дело и проговорил, вздохнув: — Ладно, я скажу прямо. Пока князь Мин здесь, прошу позволить мне, Тайцаню, проявить церемонное обхождение. — И, подняв руки над головой, мужчина встал на колени, действительно торжественно обращаясь к князю.

Будучи уже полупьяным, Фэн Мин долгое время не мог прийти в себя, потому, изо всех сил моргая, глупо спросил:

— К чему Вы клоните?

— Молодой господин Сяо! Прошу, спасите жизнь мужа моей младшей сестры! — Тайцань сорвался на жалобный плач, улыбающееся, как у будды грядущих времён, лицо внезапно сжалось, и морщины придали ему кислое выражение, а сам преклонивший колени и тело к земле мужчина выпрямился и обратился к Фэн Мину: — Не в состоянии утаивать всё от Вас, на самом же деле с тех пор, как новость о Вашем путешествии разлетелась повсюду, я изо дня в день возжигал благовония перед Буддой[28], умоляя направить Ваш путь в мою пристань Фэньчэн, чтобы Вы спасли жизнь мужа моей младшей сестры. С тех пор, как это случилось с ним, я умолял всех кого только мог, но это не принесло никакой пользы. Молодой господин

Сяо, у Вас доброе сердце, умоляю Вас, спасите жизнь мужа моей младшей сестры, которая лишь одна у меня. Когда ей исполнилось восемнадцать, она уже была беременной. Эта матушка, что делает вино из юцзы, мать мужа моей младшей сестры. Он у неё единственный сын, её судьба такая же, как у матушки Ли — она овдовела, будучи молодой девушкой, и также воспитывала единственного сына...

Пока мужчина говорил, эта седовласая бабушка-торговка уже подошла, так же, как чиновник, женщина рухнула на колени и, подползя к Фэн Мину, разрыдалась:

— Умоляю Вас, смилуйтесь, прошу, смилуйтесь! — торговка начала кланяться до земли, ударяясь лбом об пол. Внезапно вспомнив о своём сыне, женщина, охваченная болью, плакала навзрыд, а из-за того, что старый голос звучал сипло, плач звучал душераздирающе.

Атмосфера в лавке, где до этого были веселье и разговоры под вино, за короткое время изменилась, превращаясь в царство мёртвых, наполненное криками и плачем.

Отведавший сладкого и приятного на вкус вина Фэн Мин, оказавшись в такой ситуации, покрылся холодным потом — отличное вино, превратившись в капельки испарины, покатались по спине. Увидев пожилую женщину возле его ног, обомлевший князь после долгого молчания пришёл в себя и, спешно[29] подскочив к ней, помог подняться с колен:

— Почтеннейшая[30], для начала встаньте и спокойно расскажите, что стряслось.

От испуга Цю Лань и Цю Син пребывали в смятении, когда хмель отпустил их разум, девушки подскочили к несчастной женщине, оказывая поддержку. С большим трудом им удалось её поднять, но стоило отпустить руки, как старушка вновь неожиданно упала на колени, по-прежнему кланяясь и ударяясь лбом об пол, до тех пор пока не разбила голову в кровь. Горько плача, женщина бормотала неразборчивые слова.

Брызги крови от каждого её поклона разлетались в стороны, марая новые сапоги князя и оставаясь пугающе-красным пятном. Сам же князь похолодел от ужаса и сердито топнул:

— Почтеннейшая, успокойтесь.

На что Жун Ху невозмутимо вмешался:

— Князь Мин, для начала Вам самому нужно успокоиться. — После чего лично помог женщине подняться, надеясь, что Цю Лань и близняшки крепко будут держать несчастную, не позволяя той снова пасть ниц. Уладив дело со старушкой, телохранитель повернулся к такому же коленопреклонному Тайцаню со словами: — Наш князь Мин меньше всего любит, когда кто-то падает на колени, если Вам надо что-то обсудить, встаньте и расскажите ещё раз. Попытайтесь вновь упасть перед Его Светлостью, я немедленно попрошу князя вернуться на корабль.

Плач женщины ввергал в шок, по-видимому, Тайцань своими словами тронул глубокое чувство, вызывая у старушки безостановочное рыдание. Сам же чиновник, в отличие от неё, был более сметливым и, услышав предупреждение Жун Ху, понял — нужно всё спокойно объяснить, вскоре он действительно, помогая себе руками и ногами, поднялся с колен, рукавом вытер слёзы с глаз и, всхлипывая, ответил:

— Князь Сяо Мин, Вы не порицайте нас, так как мы действительно вынужденно идём на это. Муж младшей сестры — честный человек и делал отличное вино, изначально наша семья была весёлой и дружной, и хоть денег было не так много, всё равно это не сказывалось на нашей жизни.

Подобное вступление являлось началом классической истории. Дальше, разумеется, должна была случиться непредвиденная беда, которая как с неба свалилась. Фэн Мин, раньше любивший читать маньхуа, новеллы и смотреть дьяньшицзюй[31], знал это лучше, чем что бы то ни было. Хмыкнув, князь хмуро спросил:

— Что произошло потом?

Губы мужчины дрогнули, но слова не успели сотрясти воздух, как случилось нечто странное.

Примечания:

[1] Иначе «ночь длинна, снов много», обр. в знач.: 1) положение может измениться к худшему; 2) упустить время; дольше спишь — больше и снов; чем дальше в лес, тем больше дров.

[2] Полностью фраза звучит как «весна — решающее время года, а утро — решающее время суток» (год задаётся весной, а день утром), кстати, вторая часть фразы звучит в 1-ой главе 8-го тома. Альтернативные варианты перевода данной идиомы: весенний день год кормит; весенний месяц с годом может поспорить; успех года решает весна.

[3] Левая кисть охватывает правый кулак перед грудью.

[4] Китайское выражение, которое означает, что положение и обстановка могут изменить характер, а самосовершенствование и сдержанность — природу человека. Иными словами: человек, следуя за сменой положения, сам меняется.

[5] Кит. путешественник, путник, странник.

[6] Кит. благоухающий город.

[7] Один из наиболее популярных бодхисаттв во всех направлениях буддизма; будда грядущих времен.

[8] Винный червь — мифическое создание, поселяющееся в теле человека и вызывающее в нём тягу к спиртному. Также обладают способностью превращать воду в спирт.

[9] Обр. в знач.: (чувствовать) сильное желание, влечение, искушение.

[10] Кит. ароматный (душистый) цветок.

- [11] Кит. благоуханный цветок.
- [12] Кит. путешествующий цветок.
- [13] Обр. в знач.: а) трудности, горести жизни б) выдержанный, строгий в) проходящие годы, приближение старости.
- [14] Полностью фраза звучит как 眉如剑戟 — «прямые как меч брови, горящие как звёзды глаза», обр.: строгий вид и энергичный взгляд.
- [15] Обр. в знач.: неприступная крепость, непреодолимая преграда.
- [16] В оригинале фраза переводится дословно как «кислое и сладкое, горькое и терпкое», обр. в знач.: превратности судьбы, жизненные перипетии.
- [17] Под «молодой короткой травой» подразумеваются дети)
- [18] Под «солнцем» подразумевается безграничная любовь матери.
- [19] Стихотворение китайского поэта Мэн Цзяо.
- [20] Имеется в виду 55-ая глава новеллы.
- [21] Дословно можно перевести как «Шелест листвы»: 树(му) — дерево, 叶(са, ли) — подражание свисту ветра; свистеть, шелестеть (напр. листвой деревьев).
- [22] Имеется в виду, что голубой цвет относится к холодным оттенкам.
- [23] Фэн Мин использует иероглиф 兄(xiōng, kuàng — сун, куан), что означает как «старший брат», так и «глубокоуважаемый» — вежливое обращение к сверстнику.
- [24] Наподобие идиомы «если на то есть судьба, то встретятся вопреки большому расстоянию, если не судьба, то и, сидя друг напротив друга, не познакомятся».
- [25] Обр. о громкой славе, большой известности.
- [26] Обр. в знач.: не связанный никакими обстоятельствами, вольный, полный свободы.
- [27] Как мы понимаем, автор под «черепахой» имеет в виду Фэн Мина как чиновника высшего ранга, если опираться на идиому «крупная черепаха закричит, малая — откликается» (обр. о взаимопонимании между государем и подданными); более того, золотые печати и черепаховая застёжка являлись знаками отличия высших чинов в династии Хань; а золотая черепашка — отличительным знаком чинов первых трёх классов в династии Тан.
- [28] Первоначальное значение — возжигать фимиам перед статуей Будды; в настоящее время означает преподнести подарок (оказать услугу), чтобы добиться своих целей.
- [29] В оригинале фраза звучит как «руки заняты и ноги путаются», обр. в знач.: действовать бессистемно, суетиться, торопиться.
- [30] Фэн Мин говорит 敬老(lǎo jǔn zǐ), что означает почтенное, уважаемое обращение к старым людям.
- [31] Китайские драмы/сериалы, но так как слово «драма» больше относится к Корее, а

«сериал» — больше к Европе, то мы решили не переводить «дяньшицзюй», как «дорама» или «сериал», а оставили оригинальное название.

<http://bllate.org/book/13377/1190216>